

— Это ведь живая душа, Морис... Она связана с тобой одной кровью уже больше четырех месяцев.

Хотя Марко заранее знал, какова будет реакция, христианское милосердие и вера не позволяли ему закрыть глаза на грех, столь похожий на убийство. Они дружили с самого детства, и Марко прекрасно видел, какая буря сейчас бушует в душе Мориса. Со стороны многое виделось яснее.

— Я слышал, у вас с Хань Цзином всё складывается неплохо? Ты ведь даже настоял на том, чтобы жить с ним в секторе Роедлас, несмотря на резкое недовольство твоего дяди?

Марко запнулся. Морис молчал, лицо его оставалось бесстрастным.

— Понимаю, тебе сейчас тяжело, — негромко продолжил доктор. — Но заклинаю: остынь и подумай хорошенько. Ты ведь знаешь особенности своего организма лучше, чем кто-либо другой. Проклятие Атлантиды — не та вещь, которую человечество способно просчитать. И кто знает, найдем ли мы когда-нибудь разгадку этой тайны? Раз уж вы так хорошо ладите, почему бы тебе не...

— Помоги мне избавиться от плода, Марко, — вновь прервал его Морис.

В его голосе и застывшем взгляде не осталось ничего, кроме леденящего холода.

— И это твое окончательное решение? — предпринял последнюю попытку Марко.

Встав, он взял со стола отчет о медицинском обследовании перед миссией SG-1, положил его прямо перед генералом и указал пальцем на крошечный силуэт зародившейся жизни. Доктор не верил, что его друг действительно превратился в бездушный камень. Зная Мориса не один десяток лет, Марко понимал: будь тот действительно безразличен, он бы не стал слушать все эти уговоры и хранить молчание.

— Погляди сюда. Вот крошечные ручки, ножки... Я уже могу определить пол. Это...

— Избавь меня от него! Я не намерен повторять дважды! — Морис не выдержал.

Раздражение прорвало его маску хладнокровия, он резко перебил друга. Но стоило ему случайно скользнуть взглядом по лежащему перед ним листку, как в его глазах на мгновение отразилось смятение. Впрочем, оно тут же сменилось колючим, пугающим холодом. Морис уставился на Марко с абсолютной, зловещей решимостью.

— Не пытайся меня переубедить, этому не бывать, — Морис хмурился, отчаянно цепляясь за остатки самообладания. — Я принял огромную дозу препаратов натрия. Ты даже представить себе не можешь, какую именно. Этот ребенок просто не может родиться здоровым.

— Сколько ты выпил? — Марко нахмурился, изучая бумаги.

В его зеленых глазах промелькнуло недоумение.

— Те запасы, что ты мне дал, быстро закончились. Я трижды ходил в госпиталь за новыми рецептами.

— И ты всё это принял?!

— Да.

— Черт возьми! — Марко с силой хлопнул ладонью по столу, не сдержав ругательства. — Ты жить устал, Морис?! Этой дозы хватило бы, чтобы отравить стадо слонов!

— Но я, как видите, сижу перед тобой живой и здоровый.

— Здоровый? Да, с тобой всё в порядке... Но и она внутри тебя живет всех живых!

Марко с трудом подавил вспышку гнева. Карандаш, которым он закалывал длинные золотистые волосы, выскользнул из пальцев и тихо покатился по столу. Доктор в упор посмотрел на Мориса.

— В порядке? — Морис зацепился за это слово, и в его ледяном тоне промелькнула едва заметная дрожь. — Это исключено, Марко.

— С чего бы это? — Марко оперся руками о край стола.

Его золотистые волосы рассыпались по плечам, доходя до самой поясницы и подчеркивая статную, высокую фигуру. Красотой лица доктор едва ли уступал самому генералу, но сейчас его губы искривились в горькой усмешке.

— Твоя ДНК безупречна. Возможно, она способна нейтрализовать любые яды в этом мире. Ты не желаешь этого ребенка, но твое тело на подсознательном уровне защищает его.

— Хочешь сказать, медикаментозный... аборт не сработал? — Морис запнулся.

Ему с трудом далось это позорное слово. Он надеялся решить всё тихо и быстро, выбрав самый

простой и безболезненный путь.

— Шансы были ничтожны. Судя по результатам анализов, плод развивается абсолютно нормально. Но чтобы сказать наверняка, мне нужно провести полное обследование твоего состояния.

Марко недовольно поморщился. Разговоры о прерывании беременности явно выбивали его из колеи, вызывая глухое раздражение.

— Тогда готовь операционную, — ледяным тоном скомандовал Морис.

В его глазах застыла суровая решимость избавиться от нежеланной обузы любой ценой.

— Исключено. Срок уже больше четырех месяцев. Это не простая чистка, а полноценное искусственное прерывание, — отрезал Марко. — Завтра у тебя первая миссия SG-I. Твой организм просто не выдержит такой нагрузки, Морис.

— Я справлюсь, Марко, — помрачнев, твердо произнес Морис.

— А я говорю — нет! — Марко вскинул брови. — Это серьезное вмешательство! К тому же ты мужчина, твоя физиология уникальна. Мне нужно время на подготовку. Я не имею права рисковать твоей жизнью!

— Моему терпению тоже есть предел! Ты заставляешь меня, верующего христианина, совершать смертный грех, и при этом еще смеешь требовать спешки?! Если бы ты сразу меня послушал, мы бы не оказались в этом тупике!

— Если тебе в тягость этот азиат, просто выстави его вон из апартаментов в секторе Роедлас! Я сам обо всем позабочусь!

Марко не на шутку разгорячился, но, осознав, что перегнул палку, осекся. Поняв, как двусмысленно прозвучали его слова, он подавил гнев и уже мягче добавил:

— Я просто переживаю за тебя, Морис. Если Хань Цзин тебе не нужен, расстанься с ним как можно скорее. Я не хочу снова идти против совести и совершать святотатство ради твоих прихотей.

— В нашем мире нет Бога, Марко, тебе ли этого не знать.

Морис старался казаться невозмутимым, но его былая проницательность притупилась. Он даже не обратил внимания на столь явную вспышку эмоций со стороны друга.

— Знаю. Все эти тайны Атлантиды... Но у каждого человека должна быть вера.

Марко явно не хотел углубляться в философию и поспешил сменить тему:

— По плану первая миссия SG-I продлится всего полчаса. Если ты не передумаешь, я подчинюсь. Приходи в мой кабинет завтра после обеда.

— Операцию можно провести в тот же день?

— Думаю, да...

— Об этом никто не должен знать, Марко. Только ты и я. Это не более чем досадная случайность, — холодно, чеканя каждое слово, произнес Морис.

— Я понимаю.

Марко внезапно сжал его ладонь и, пристально вглядываясь в лицо Мориса, тихо произнес:

— Не бойся ничего. Я обещал тетушке Кэтрин, что позабочусь о тебе. Всё будет как прежде.

Морис слегка вздрогнул. В памяти всплыли детские годы. После смерти матери Марко всегда был рядом и помогал пережить самые тяжелые времена. Странно, но, повзрослев, они отдалились друг от друга и утратили былую душевную близость.

— Что ж, мне пора возвращаться в правительство... Если что-то понадобится, звони.

Марко выпустил его руку и наклонился, чтобы поднять карандаш. Тот переломился пополам. Доктор с легким удивлением уставился на обломки, а затем, мягко улыбнувшись, выпрямился и протянул руку:

— Одолжишь мне карандаш? Или ручку.

— Зачем ты так настойчиво просил о переводе с Базы № 9? Твои медицинские навыки уникальны, — спросил Морис, подавляя внутреннее смущение и доставая из ящика новый карандаш.

— Потому что я не могу больше грешить против веры. Находясь здесь, рядом с наследием Атлантиды, я словно каждый день подвергаю себя бичеванию, — ответил Марко, забирая карандаш.

— Подумай еще раз над моими словами. Я искренне хочу, чтобы ты был счастлив, Морис.

Марко небрежным движением собрал свои длинные золотистые волосы. Его лицо, имевшее тонкое сходство с лицом Мориса, сейчас казалось расслабленным и слегка ленивым — полная противоположность суровой сосредоточенности генерала.

— Спасибо, Марко, — сухо отозвался Морис, бросив дежурную вежливую фразу.

Но стоило двери за доктором закрыться, как лицо генерала исказила гримаса боли и растерянности. Он так и остался стоять посреди пустого кабинета, словно громом пораженный.

* «Вещество Аноид — высокооксидный материал со спутника Харон, находится в стадии структурного исследования...»*

* «Прямое вдыхание вещества Аноид приводит к стремительному разрушению легочных сосудов, вызывая отек легких, внутреннее кровотечение и разрывы тканей. Вследствие тяжелого поражения дыхательной системы развивается редкая форма кислородного отравления...»*

* «Во время первой миссии CRN-I на Хароне вице-адмирал Адайр, бригадный генерал Сино Харада и капитан Конрад подверглись воздействию вещества Аноид, вызвавшего токсическое поражение головного мозга. Симптомы включали нарушение жизненных ритмов и острый психоз...»*

* «С момента обнаружения до кончины пострадавших прошло менее одного земного часа. Реанимационные меры оказались неэффективны...»*

Читая эти строки из файлов под грифом секретности «А» на своем терминале, Хань Цзин невольно затаил дыхание. Он впервые в полной мере осознал, насколько смертоносна первая высадка. Из пяти членов исследовательской группы CRN-I, отправившихся на Харон, выжил лишь один... Неудивительно, что добровольцев для участия в миссии SG-I оказалось ничтожно мало.

Отложив планшет, Хань Цзин поднялся с дивана и в который раз подошел к окну спальни, выходящему на террасу. Сектор Роедлас больше не сиял праздничными огнями: система регуляции на основе кристаллов Туаой автоматически приглушила свет, погрузив жилой комплекс в мягкие, сонные сумерки.

На часах шёл одиннадцатый час вечера. Хань Цзин нахмурился и посмотрел на наручный коммуникатор.

«Почему его до сих пор нет?»

Он снова набрал номер Мориса. На сей раз на том конце не было коротких гудков занятой линии, однако после долгого томительного ожидания вызов просто сбросили.

Хань Цзин замер, внутри у него всё сжалось от недоброго предчувствия. Морис сбрасывал его звонок уже седьмой раз за день. Даже в самом начале, когда их отношения на базе были натянутыми и холодными, генерал никогда не позволял себе подобного пренебрежения.

«Что вообще происходит?» — недоумевал Хань Цзин.

Днем Морис точно так же упорно игнорировал его вызовы. Ещё на выходных они прекрасно проводили время вместе, да и в начале недели на службе всё было хорошо — казалось, лед между ними окончательно растаял. Почему же сегодня Морис ведет себя так странно?

Хань Цзином овладело смутное беспокойство. Он принялся мерить комнату шагами, лихорадочно перебирая в голове возможные причины. Стоп... На эти дни как раз намечались результаты полного медицинского обследования. Неужели?..

Сердце пропустило удар. Хань Цзин поспешно накинул куртку и уже обувался у порога, намереваясь отправиться на поиски, как вдруг дверь бесшумно отворилась. В прихожую вошел Морис — бледный и пугающе спокойный.

В квартире было тепло и светло, но этот мягкий домашний уют сейчас казался Морису невыносимо фальшивым, режущим глаза. Он до последнего не хотел возвращаться сюда, но какая-то неведомая сила всё же привела его обратно к этому порогу.

Хань Цзин выпрямился. Сердце у него упало. От Мориса веяло могильным холодом, его аура была тяжелой и давящей, почти осязаемой физически.

Не понимая, в чём дело, Хань Цзин попытался разрядить обстановку.

— Сильно устал?

Но стоило Хань Цзину протянуть руку, чтобы убрать золотистую прядь с его плеча, как Морис резко уклонился, уходя от прикосновения под предлогом того, что разувается.

— Нормально, — выдавил Морис.

Его голос звучал сухо и безжизненно. Он изо всех сил подавлял душившие его стыд и ярость. Разум твердил, что Хань Цзин не виноват в случившемся, но совладать с собой не получалось. Наклонившись, Морис отчетливо ощутил, как натянулась ткань на округлившемся, твердом внизу животе. Раньше он не придавал этому значения, списывая на усталость, но теперь изменения казались вопиющими — потяжелевший пояс армейских брюк безжалостно врезался в тело.

Эта внезапная отчужденность ранила Хань Цзина — казалось, они вмиг отлетели назад, к тем дням, когда были друг другу чужими людьми. Не обращая внимания на явное сопротивление Мориса, он шагнул вперед и крепко обнял его со спины, прижавшись к напряженному телу.

— Ты что творишь?! — у Мориса от неожиданности перехватило дыхание.

Хань Цзин растерялся: мужчина в его руках буквально окаменел от напряжения. Но стоило ладоням Хань Цзина коснуться его живота, как Морис, точно уколотый еж, с силой оттолкнул его и стремительно скрылся в спальне.

«Что с ним происходит?» — недоумевал Хань Цзин.

Морис никогда не приносил служебные проблемы домой. Утром уходил в прекрасном расположении духа, а вернулся сам не свой, да еще и сорвался на него. Это было совершенно на него не похоже.

Хань Цзин устало вздохнул. Из-за подготовки к миссии SG-I последние дни выдались сумасшедшими, и у него попросту не оставалось сил разгадывать чужие капризы. На столе стояла еда, которую он с трудом выкроил время заказать и привезти из ресторана «Нерей».

Вспомнив о сброшенных звонках, Хань Цзин почувствовал, как закипает раздражение, но, взглянув на осунувшуюся фигуру Мориса, сразу смягчился. Разогрев чашку наваристого куриного бульона, он направился в спальню.

Морис уже скинул серо-голубой мундир и теперь стоял у окна, прямой как струна. В собственном доме он вдруг почувствовал себя чужаком, загнанным в угол. Каждое движение Хань Цзина вызывало у него панический страх — особенно после того, как тот коснулся его изменившегося тела. Мысли путались, не давая принять взвешенное решение.

— Выпей бульона. Я специально привез его из «Нерея».

Хань Цзин протянул ему пиалу. Ароматный, наваристый суп лоснился золотистыми каплями жира. Но едва этот запах достиг носа Мориса, как к горлу мгновенно подкатила знакомая удушливая тошнота.

Испытывая невыносимый стыд, Морис резко отвернулся:

— Я не ем жирное. Убери.

— Странно... Когда мы отдыхали в Юрике, это было единственное, что ты мог есть, — Хань Цзин старался говорить как можно мягче. — Сделай хотя бы пару глотков, даже если подташнивает. Ты за последнее время совсем осунулся, Морис.

— Я отлично себя чувствую! — излишне резко отрезал Морис.

Он был взвинчен до предела, и в его обычно бесстрастном голосе зазвучали несвойственные ему раздраженные нотки.

— Вот и славно. Тогда пей, пока горячий, — Хань Цзин слегка приподнял брови.

В поведении Мориса сквозила странная нервозность. Что могло так сильно выбить из колеи невозмутимого генерала? Хань Цзин внимательно следил за каждым его движением.

Морис до боли прикусил изнутри губу. Глядя на дымящуюся жидкость, он с трудом заставил себя взять пиалу. Нельзя вызывать у Хань Цзина подозрений... Ни единым жестом нельзя выдать себя.

Сделав глубокий вдох, Морис через силу сделал глоток, затем второй. Но чем сильнее он торопился, тем яростнее подступали спазмы. Накатывающие одна за другой волны тошноты лишали его последних сил. Терпеть это больше не было никакой возможности.

— Кх... — Морис судорожно зажал рот ладонью, пихнул посудину в руки опешившему Хань Цзину и бросился в ванную комнату.

Хань Цзин едва успел поставить пиалу на столик, как из-за двери раздались надрывные, мучительные звуки. Мориса рвало так сильно, что скрывать это больше не удавалось.

Позабыв о гордости своего партнера, Хань Цзин ворвался в ванную. Морис, бледный как полотно, стоял на коленях у унитаза, его лоб покрыла холодная испарина. Он попытался слабо оттолкнуть Хань Цзина, но новый спазм скрутил его тело. Мужчину выворачивало наизнанку, но желудок был пуст, и наружу выходила лишь горькая желчь.

«Почему всё так плохо? Раньше ведь не было такой дикой тошноты... Или тело отреагировало на то, что разум осознал правду? С самого обеда мутит без остановки...»

«Это просто самовнушение? Или... этот ребенок чувствует угрозу и пытается защищаться?»

Морис замер на мгновение, но очередной приступ заставил его снова согнуться пополам.

Глядя на эти мучения, Хань Цзин чувствовал, как у него самого все переворачивается от страха. Положение Мориса было куда серьезнее, чем он предполагал. Зря он потакал его упрямству всё это время! Хань Цзин хмурился, нежно поглаживая Мориса по спине, помогая перевести дыхание. Понимая, что в желудке генерала ничего, кроме пары глотков злополучного бульона, за весь день не оказалось, он окончательно разозлился.

Когда спазмы наконец утихли, Хань Цзин аккуратно вытер холодный пот с его лба и, перехватив инициативу, заговорил непривычно строгим, властным тоном:

— Прекрасно знаешь, что у тебя слабый желудок, и всё равно моришь себя голодом! Ты вообще умеешь заботиться о себе? Или тебе просто нравится истязать собственный организм?

Морис ошеломленно уставился на него. Внутри поднялась волна праведного гнева. Мало того, что он терпел этот унижительный кошмар по вине стоящего перед ним человека, так тот ещё смел читать ему нотации!

От ярости и бессилия Морис мелко задрожал. Несмотря на физическую слабость, его взгляд вспыхнул ледяным, карающим огнем.

— Пошел вон! — сквозь зубы выдавил он, едва сдерживая очередной рвотный позыв.

Это был первый раз, когда его маска ледяного безразличия дала глубокую трещину, обнажив чистый гнев.

<http://bllate.org/book/19677/2006433>